

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**Международный центр МГУ имени М.В. Ломоносова
(Женева, Швейцария)**

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

**МАТЕРИАЛЫ X РОССИЙСКОГО
КОНГРЕССА УГОЛОВНОГО ПРАВА,
СОСТОЯВШЕГОСЯ 26–27 МАЯ 2016 г.**

УДК 343.9(082)
ББК 67.51z43
К82

К82 Криминологические основы уголовного права // Материалы
X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося
26–27 мая 2016 г. / отв. ред., докт. юрид. наук, проф. В.С. Ко-
миссаров. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 568 с.

ISBN 978-5-4396-1251-2

Настоящее издание представляет собой сборник статей по материалам X Российского конгресса уголовного права «Криминологические основы уголовного права». Конгресс был проведен 26–27 мая 2016 года на Юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сборник материалов включает статьи ведущих российских и зарубежных юристов — научных и практических работников, преподавателей высших учебных заведений Российской Федерации и других государств.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических факультетов и вузов, научных сотрудников и иных специалистов в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, а также всех интересующихся вопросами уголовной, уголовно-исполнительной и криминологической политики.

УДК 343.9(082)
ББК 67.51z43

ISBN 978-5-4396-1251-2

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Юрлитинформ», 2016

Ответственный редактор:

В.С. Комиссаров, доктор юридических наук, профессор.

Редакционная коллегия:

В.В. Александрова, ассистент;

Г.И. Богуш, кандидат юридических наук, доцент;

Р.О. Долотов, кандидат юридических наук, доцент;

В.А. Казакова, доктор юридических наук, профессор;

Ю.Г. Козлов, доктор юридических наук, профессор;

О.В. Костылева, ассистент;

А.В. Малешина, кандидат юридических наук, доцент;

А.А. Матвеева, кандидат юридических наук, доцент;

Е.В. Машикова, ассистент;

В.И. Селиверстов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

А.В. Серебренникова, доктор юридических наук, профессор;

В.В. Степанов, кандидат юридических наук, доцент;

М.А. Филатова, кандидат юридических наук, ассистент;

П.А. Филиппов, кандидат юридических наук, доцент;

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор.

димся риторическим вопросом: разве преступная организация не может быть создана для разработки или реализации мер по осуществлению террористической деятельности? Но в таком случае, почему лицо, создавшее в таких целях преступную организацию и начавшее разработку плана по осуществлению террора, должно нести менее строгую уголовную ответственность, чем лицо, руководившее зарегистрированной в установленном порядке, например, коммерческой организацией, «признающей возможность осуществления в своей деятельности террористической деятельности», что было подтверждено соответствующим решением Верховного Суда?

Любопытно взглянуть и на ответственность рядовых участников рассматриваемых преступных образований. Согласно ч. 2 ст. 285 УК, участник преступной организации за террористическую деятельность получит от трех до семи лет лишения свободы с конфискацией имущества или без конфискации, а участник организации, которая в соответствии с законодательством Республики Беларусь была признана террористической в соответствии с санкцией ч. 2 ст. 290-5 УК, за те же действия будет осужден к лишению свободы на срок от восьми до двенадцати лет с обязательной конфискацией имущества. Неужели участие в преступной организации, занимающейся террористической деятельностью (ч. 2 ст. 285 УК), фигурально выражаясь, почти в два раза менее опасно, чем участие в деятельности террористической организации?

Статья 2 Закона «О борьбе с терроризмом» к одному из основных принципов борьбы с терроризмом относит принцип законности. В целях обеспечения этого принципа при квалификации преступления правоприменитель должен будет четко проводить отграничение между преступной организацией и организацией, которая в соответствии с законодательством была признана террористической. Но следует заметить, что идеология террора может образовывать различные формы и преступные механизмы реализации террористической деятельности. Так, возможен вариант создания в рамках зарегистрированного в установленном порядке юридического лица объединения представителей организованных групп в целях осуществления террористической деятельности. Эта организация, несомненно, будет признана террористической. Но в ее недрах будет существовать «классическая» преступная организация. С позиции уголовно-правовой оценки такое преступное формирование будет требовать квалификации по совокупности преступлений.

Международно-правовые аспекты противодействия терроризму в условиях вооруженных конфликтов

Е. В. Машкова,

ассистент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Одним из факторов, влияющих на эволюцию вооруженного конфликта в настоящее время, является ситуация, связанная с вовлечением в него

негосударственных организаций. Иными словами речь идет о конфликтах низкой интенсивности (тринитарные войны), которые включают в себя также военные операции, предпринимаемые вооруженными силами государств для предотвращения международного терроризма или борьбы с ним¹.

Тринитарные войны не подпадают ни под один из основных типов вооруженных конфликтов с точки зрения вопроса о классическом различии вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, а также состава участников вооруженного конфликта.

Так, например, можно говорить о противостоянии Израиля и «Хезболлы», военизированной организации мусульман-шиитов, выступающей за создание исламского государства, которая была создана в 1982 г. Вооруженные силы Израиля (Армия обороны Израиля) провели несколько военных операций: «Подведение итогов» 1993 г. и «Гроздя гнева» 1996 г., в качестве ответной реакции на ракетные обстрелы территории государства Израиль; «Июльская война» 2007 г., поводом к которой стало вооруженное нападение на израильский пограничный патруль, который сопровождался ракетно-минометным обстрелом боевиками «Хезболлы» одного из пограничных районов Израиля².

После террористических актов, совершенных на территории Соединенных Штатов Америки 11 сентября 2001 г., США принимают такой документ, как «Стратегия национальной безопасности» (2002 г.)³, которая провозглашает войну с международным терроризмом и право США на «превентивную оборону», иными словами — право вторжения на территорию государства, откуда исходит угроза (реальная или мнимая) безопасности США и их союзников по Североатлантическому альянсу⁴. Военная операция США и их союзников в Афганистане «Несокрушимая свобода» началась 7 октября 2001 г.⁵ против одной из негосударственных, транснациональных, радикально-исламистских движений «Аль-Каида».

¹ Асимметричные войны — конфликты с группировками, не являющимися государствами, происходящие как в границах одной страны, так и трансграничные. См.: Тони Пфаннер. Асимметричная война с точки зрения гуманитарного права и гуманитарной деятельности // Международный журнал Красного Креста. 2005. № 857. С. 195—228

² Вышеуказанный конфликт перерос в широкомасштабные боевые действия со стороны Израиля, которые выразились в установлении морской и воздушной блокады Ливана, нанесении массированных авиаударов с целью уничтожения инфраструктуры «Хезболлы» и её руководства, а также в переходе к сухопутной операции с целью создания вдоль границы с Ливаном буферной зоны для снижения угрозы ракетных ударов по израильским населенным пунктам.

³ The National Security Strategy of the United States of America. September 17, 2002 // URL: <http://www.informationclearinghouse.info/article2320.htm>

⁴ Савосин М. В. Эволюция концепции национальной безопасности США: внешнеполитический аспект: 90-е гг. XX — начало XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 53.

⁵ Основанием для введения войск США и Великобритании в Афганистан послужила резолюция ООН № 1368 от 12 сентября 2001 г. // URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/708/57/PDF/N0170857.pdf?OpenElement>

В настоящее время одной из основных угроз международного мира и безопасности является международная террористическая организация религиозного толка «Исламское государство». На территории Сирии ИГ противопоставляет целый ряд иностранных государств (например, Российская Федерация, Соединенные Штаты), которые, в частности, оказывают военную помощь (военное присутствие) местным силам безопасности, осуществляя воздушную поддержку и предоставляя отряды специального назначения.

Как видно из вышесказанного, указанные ситуации можно описать как транснациональные, «внесистемные» вооруженные конфликты, которые, строго говоря, не привязаны к какой-либо территории; в основе организаций, которые принимают участие во «внесистемных» конфликтах, лежат неинституциональные принципы деятельности (то есть руководство организации не отделимо от организации как таковой), а также такие конфликты намного сильнее затрагивают большинство гражданского населения, которое становится как непосредственным участником, так и жертвой.

Изменение вектора ведения вооруженных конфликтов не должно снижать значение норм международного гуманитарного права. Так, Мартин ван Кревельд, в частности, отмечает: «по мере того, как распространение конфликтов низкой интенсивности приводит к подрыву основ тринитарных структур, стратегия сосредотачивается на стирании существующей разделительной линии между теми, кто сражается, и теми, кто наблюдают, оплачивают счета и страдают»¹. В аналогичном ключе ставится вопрос о степени применимости норм МГП и защиты жертв вооруженных конфликтов к новым ситуациям ассиметричных конфликтов².

Более того, как пишет Е.Г. Ляхов, терроризм представляет собой сложное явление политико-правового характера, имеющее, как преступление, свои квалифицирующие признаки и организационно-идейные структуры (террористические организации)³.

В решении по делу Хамдана против Рамсфелда Верховный суд США постановил, что положения общей ст. 3 для всех Женевских конвенций 1949 г. применяются по отношению к конфликту с транснациональным противником, не представляющим собой государство. В частности, Суд установил, что ст. 3 хотя и не предоставляет полную защиту в соответствии с Женевскими конвенциями, на которую могут рассчитывать военнослужащие и гражданские лица государств-сторон-участников, однако она гарантирует минимальную

¹ Мартин ван Кревельд. Трансформация войны. М., 2005. С. 303.

² См.: Паулос А., Вашакмадзе М. Ассиметричная война и понятие вооруженного конфликта — попытка разобрать концептуальную модель // Международный журнал Красного Креста. 2009. Т. 91. № 873.

³ См.: Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е. Международно-правовые проблемы борьбы с международным терроризмом и международное гуманитарное право // Современные тенденции развития международного гуманитарного права: материалы Международной науч.-практ. конференции. Казань, 2011. С. 158.

защиту участникам вооруженных конфликтов немеждународного характера, включая право быть судимым «надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями»¹.

В решении Международного суда ООН 1986 г. по делу Никарагуа против США о действиях военных и полувоенных формирований на территории Никарагуа и вблизи ее границ, Суд подчеркнул, что положения ст. 3, общей для всех Женевских конвенций 1949 г., предусматривают минимальные стандарты гуманизма и являются одними из основополагающих общих принципов гуманитарного права — о защите жертв вооруженного конфликта².

Более того, в комментарии МККК к Женевским конвенциям указывается, что ст. 3, общая для всех Женевских конвенций, требует уважения норм, которые «уже были признаны необходимыми во всех цивилизованных странах и являлись частью внутреннего права всех этих государств задолго до того, как была подписана Конвенция»³. Как отмечает К.И. Сэмс, международное гуманитарное право применяется во всех ситуациях, когда борьба с терроризмом осуществляется в форме вооруженного конфликта, нормы международного гуманитарного права развиваются в свете других правовых институтов, в частности, с международным правом защиты прав человека⁴. Так же, согласно П.П. Кремневу, каждая из находящихся в конфликте сторон, в том числе и ведущая такой конфликт вооруженная оппозиция, должна применять положения ст. 3 общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 г.⁵

На основании вышеизложенного следует сделать следующие выводы:

- во-первых, ведение военных действий, даже в случае асимметричного конфликта (с участием негосударственного образования), без системы четких и общепринятых представлений о том, что он из себя представляет, все-таки невозможно;
- во-вторых, нельзя говорить о том, что при возникновении указанных ситуаций, даже если члены организованных групп являются преступниками в соответствии с национальным правом государств, нормы международного гуманитарного права утратили свою силу, перестали существовать или применяться.

¹ Тузмухамедов Б.Р. Хамдан против Рамсфелда: уроки и параллели // Российский ежегодник международного права. 2006. Специальный выпуск. СПб., 2008. С. 136.

² URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6503.pdf>

³ URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/ihl-databases/index.jsp>

⁴ См.: Сэмс К.И. Террористические акты, «терроризм» и соблюдение международного гуманитарного права. Перспективы деятельности МКК // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. СПб., 2003. С. 35.

⁵ См.: Кремнев П.П. Вооруженный конфликт в Сирии и нападение на экипаж сбитого российского СУ-24: применимость правовых норм // URL: https://zakon.ru/blog/2016/1/19/vooruzhennyj_konflikt_v_sirii_i_napadenie_na_ekipazh_sbitogo_rossijskogo_su24__primenimost_pravovykh